

«РОССИЯ ЕЩЁ ВЕРНЁТСЯ К СЕБЕ...»

Книг о Валентине Распутине сегодня пишется немало. Такое явление русского национального духа, имя которому Распутин, нам предстоит осмысливать по мере того, как это явление отдаляется от нас по времени. Александру Королькову, известному российскому философу и автору книг по исследованию того, что в мире называется «загадкой русской души», Бог подарил счастье личного знакомства и общения с Валентином Григорьевичем. Знакомства не разового, но длительного и интенсивного. Переписка, беседы с глазу на глаз с Распутиным, возможность видеть Распутина в самых разных ситуациях, когда Валентин Григорьевич бывал и грустен, и весел, и сосредоточен на внутренних переживаниях.

Книга представляет нам Валентина Распутина в разных ситуациях и на пересечении самых разных литературных, политических, социальных, личностных векторов. Со страниц книги перед нами предстаёт живой полнокровный образ писателя волею Божией. Писателя, которого все мы, современники, вроде бы знаем, многие ещё в школе изучали. Тем не менее, как всякое огромное явление, до конца изучить и понять внутренний мир Распутина нельзя. Он и доселе, даже прочитанный и перечитанный нами, нами же не узнал!

И уж коль речь зашла об узнаваемости, сразу приходит на ум эпизод из книги Александра Королькова «Нравственная философия Валентина Распутина». Эпизод с узнаванием известного писателя современниками, особенно из числа молодого поколения. Как говорится, всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно от мысли, что наша молодёжь менее всего ощущает свою великую принадлежность российской земле и российской литературе. Почти анекдотичным выглядит случай, происшедший с двумя нашими великими прозаиками-друзьями Распутиным и Крупиным. Как-то ехали писатели в вагоне метро, причём ехали стоя: места им никто не уступил, да они о том и не просили. Ну едут себе и едут. А тут Крупин увидел, что едва ли не единственная на весь вагон читающая книгу девушка оказалась читательницей... его новой книги! Надо же!

Крупин не удержался и поинтересовался у девушки:

– Интересная книга-то?

Девушка, не отрывая взгляда от книги, отвечала утвердительно.

Тогда обрадованный Крупин снова не удержался:

– Девушка! А ведь эту книгу написал я!

На что молодая читательница смерила оценивающим взглядом нависшего над ней собеседника и иронически ответствовала:

– Иди проспись, дядя!

Конечно, молодую читательницу надо похвалить, что читает настоящие книги. А как захочешь поругать её, кто не знает в лицо создателей этих настоящих книг, так и трижды подумаешь, а стоит ли ругать? Любой из нас – продукт своей эпохи. Разве может себе молодая читательница представить ситуацию, что именитый писатель запросто разъезжает в метро в то время, когда всякая безголовая звезда помпезно ездит в иномарках с охраной? Хотя как ещё ездить народному писателю, как не с теми, для кого он пишет свои книги?

Несмотря на свою явную одинокость, потому что талантливый человек всегда одинок, Валентин Распутин дружил и общался с очень многими людьми, пересекался с очень многими явлениями. Часто именно противоречивые явления и люди привлекли его внимание. Об одном из таких людей есть в книге Александра Королькова глава. Это однофамилец Валентина Григорьевича – знаменитый старец Григорий Ефимович Распутин, который был загадкой при жизни и после своей гибели оставил множество тайн, что и доселе не разгаданы... Села Покровского, уроженцем которого был старец Распутин, нет на картах – ни на карте Сибири XVI–XVII веков, ни в словаре Брокгауза – Ефрона. Что очень странно, потому как это было большое село на реке Туре, одно из стариннейших и крупнейших сел Сибири. В нём вырос и из него ушёл в столицу Григорий Распутин.

До сих пор личность Григория Распутина возбуждает в обществе самые яростные споры. Одни говорят о нём как о блуднике и интригане. Другие говорят об удивительной духовной одарённости старца, о том, что его приближение последним русским императором к своей семье было не случайным, а наполненным глубоким мистическим смыслом. Александр Корольков, общаясь с Распутиным на протяжении долгого времени, не раз бывал свидетелем того, что Валентин Григорьевич очень внимательно относился к судьбе своего однофамильца. Как-то, вспоминает Корольков, в Ленинграде они с Валентином Григорьевичем сбежали с концерта Дмитрия Кабалевского, куда их привела дочь Распутина Мария. И отправились гулять по Ленинграду. Бродили возле Михайловского замка, гуляли вдоль канала Грибоедова, не преминули зайти во дворик дома-музея Пушкина, вышли к реке Мойке и направились было в сторону

Невского проспекта, как вдруг Распутин внезапно спросил: «А где Юсуповский дворец?» Выяснилось, что Валентин Григорьевич уже бывал там и даже посетил ту подвальную комнату, где воссоздана обстановка расправы над Распутиным, парадоксальная личность которого явно интересовала Валентина Григорьевича...

Александр Корольков также припоминает давний рассказ Валентина Григорьевича о какой-то заграничной писательской поездке, когда он с писателями-коллегами оказался волею случая в ресторане «Распутин». Захмелевшие во время ужина писатели после очередного тоста похвастались хозяевам, что один из них – Распутин. Это возымело такое действие, что хозяева ресторана сочли за честь оплатить банкет российских писателей за счёт ресторана! В 1980-х годах в Ленинграде появился старинного вида дом, который некий ловкий мужичок позиционировал как музей Григория Распутина, демонстрируя в нём как самый ценный экспонат стул, на котором якобы сидел старец. За отдельную таксу посетителям музея предлагалось посидеть на этом раритетном стуле, дабы напитаться мощной распутинской энергетикой... Хотя ни тогда, ни сегодня власти, понятно, не хотелось, чтобы народ вспоминал о таком неоднозначном человеке отечественной истории, каким был Григорий Распутин... И по указанию партии тематика старца Григория Распутина стала загоняться на периферию общественного внимания. Впрочем, партийные указы всегда мешали народу воспринимать свою историю в полном объёме. Изначально-то само слово «партия» обозначает «часть». А потому всякая партийность есть ущемление общенационального. Но об этом мы ещё вспомним, говоря об отношении Распутина к Солженицыну.

Нельзя обойти вниманием повесть Валентина Григорьевича, о которой много говорят в литературных кругах, но которую пока никто не видел опубликованной и даже в рукописи. Это повесть о первой любви Распутина. Хочется поблагодарить Александра Королькова за то, что с большим человеческим тактом он всё-таки затронул тему этой нигде и никогда не публиковавшейся повести Распутина. Рассказал нам о молодом Валентине Распутине, ещё до его женитьбы на Светлане Ивановне. Собственно, иначе как целомудренной любовью нельзя назвать отношение Валентина Григорьевича к тёзке своей будущей жены, студентке МГУ Светлане Ф., с которой познакомился, когда она приехала на практику в Иркутск. Созвучие душ обусловило ту глубину и целомудренность отношений, которую Распутин и Светлана Ф. пронесли по жизни. Причём Распутину настолько было нечего скрывать от жены, что он мог позволить себе роскошь познакомить двух Светлан – жену и Светлану Ф., которая на момент

второй встречи с Распутиным и знакомства с его супругой тоже была замужем. Но было и осталось главное – родственность душ и беспокойство за Россию.

Большая заслуга книги «Нравственная философия Валентина Распутина» в том, что она не обходит вниманием ни один из аспектов мировоззрения нашего великого писателя. Даже те аспекты, которые могут вызвать не очень однозначную реакцию читателей и почитателей Распутина. Такой темой является отношение Распутина к Солженицыну. Ещё в доперестроечные годы на одной из встреч Валентин Распутин, отвечая на вопрос из зала, как он относится к Солженицыну, сказал: «Это Достоевский нашего времени». Это было, когда такие высказывания могли дорого стоить писателю: то был период высылки Солженицына из СССР и запрета на его публикации в СССР. Распутин никогда не поддавался политической конъюнктуре. Когда читатели и коллеги Валентина Григорьевича обнаруживают, что он ценит Солженицына-публициста, то одни впадают в недоумение, другие даже в гнев. Мол, как мог Распутин, которого мы считаем совестью нации, встречаться с Солженицыным и даже получить премию Солженицына? А ведь не было у Распутина недоверия к слову Солженицына, хотя Валентин Григорьевич мог и поспорить с ним.

Очень точно, словно именно об этой ситуации, сказал архиепископ Сан-Францисский Иоанн Шаховской, чьи слова приводит в своей книге Александр Корольков: «Русский реализм Солженицына может быть понят по-настоящему только друзьями правды последней. <...> Непартийность этого реализма – в понимании и осуществлении человека в его последней правде...»

Трудно не согласиться и с самим Александром Корольковым, который так видит ситуацию взаимодействия двух явлений, имя которым Распутин и Солженицын: «...Солженицын чужд всякому страждущему партийной верности, забывающему, что партия по смыслу самого слова – это часть, а не весь народ, что партии разделяют, разрывают народ на части. Солженицын никогда не поддавался этому раздраю и оттого не был понят ни красными, ни белыми, его отвергли и выбросили за пределы Отечества недальновидные коммунисты, но он не пришёлся ко двору и врагам коммунизма – это стало ясно в его заграничном американском бытии. Он никому не служил в партийном смысле слова...»

Аналогично и Распутин не мог в силу своего таланта служить лишь части народа, какой является любая, даже самая справедливая и «правильная» партия. И, думается, именно в этом prijatii народа во всей полноте этого понятия, в его последней правде и было созвучие Распутина и Солженицына. В одном из писем Распутина, датированном

127

1990 годом, которое приведено в книге Александра Королькова, мы читаем: «Статью Солженицына (речь идёт о знаменитой статье «Как нам обустроить Россию?»). – Э. А.) я, конечно, прочитал: очень она кстати, и даже кстати с опозданием. Никому, кроме А. И., её бы и близко к тому, что сказано им, не написать. И всё же чувствуется, что это взгляд со стороны, взгляд мощный, исторический, но не опалённый нашей действительностью, но как бы выхолощенный, направленный сзади, а не сверху. Но поэтому именно, что это Солженицын, статью прочитают все и при его огромном авторитете внемлют больше, чем от нас, вместе взятых...»

Вот тут я категорически не соглашусь с Валентином Григорьевичем. Его скромность общеизвестна, и часто понимаешь: скромен Распутин не по таланту. Как пишет Александр Корольков, однажды он получил нагоняй от Валентина Григорьевича только за то, что, когда писал эссе о Шмелёве, поставил рядом имя Распутина как явления литературно и духовно созвучного и равного. Валентин Григорьевич позвонил Королькову и сказал, что неэтично ставить его имя в один ряд с таким великим писателем, как Шмелёв. И потребовал, чтобы Корольков убрал его имя из текста, оставив только имя Шмелёва. Однако теперь, спустя время, которое всё и вся ставит на места, мы прекрасно понимаем, что имена Шмелёва и Распутина навсегда вписаны золотыми буквами в историю русской литературы. И стоят по праву рядом! А потому я, насколько не приносящая того вклада в русское самосознание, что сделал Солженицын, всё-таки скажу, что вклад Распутина на пути исследования и, если угодно, целительства души и духа нашего народа много-много больше!

Долго и непросто шёл Валентин Григорьевич от просто веры к воцерковлению. Человеком верующим он был всегда. Ещё в советское время «позволял» себе, живя в официально атеистической Советской стране, очень рискованные высказывания с точки зрения официальной идеологии. Говорил о том, что духовная составляющая нашего народа – изначально православна. Поначалу православные батюшки, с которыми Распутин стал общаться за долго до своего воцерковления, отмечали, что при всей своей глубокой православности Валентин Гри-

горьевич всё-таки недостаточно воцерковлен. Пусть Распутин к воцерковлению был непрост, как не может быть он прост у русского человека в принципе, если речь идёт не о формальном соблюдении православных обрядов и канонов, но о том невидимом внешне мистическом духовном опыте.

Этот путь к воцерковлению начался у Распутина с чтения Ивана Шмелёва и его «Поля Куликова». «В сентябре 1980 года в Сергиевом подворье старинного города Ельца Валентин Григорьевич принял крещение. По воспоминаниям его крёстной, он волновался, как ребёнок! Распутин постился, исповедовался, причащался, а в Сретенском монастыре сблизился с архимандритом Тихоном Шевкуновым...»

Надо поблагодарить автора книги «Нравственная философия Валентина Распутина» Александра Королькова за его смелость не замалчивать непростые моменты мировоззрения человека, которому Господь судил стать совестью народа именно в то время, когда совесть самым наглым образом повсюду попирается. Это евангельское качество совести хотят вытравить из души нашего народа. Причём часто вытравливают, прикрываясь православной риторикой. Валентин Распутин в этом смысле для нас является образцом того, как примирять в душе неизбежные противоречия земные ради сохранения небесного завета в душе. Как противостоять искушениям, на которые столь щедро наша смутная эпоха. А самое главное, как не извернуться в России в то время, когда вера в неё воистину становится духовным выбором и духовным подвигом.

А закончить хочу словами письма Валентина Григорьевича, что опубликовано в книге Александра Королькова: «Россия ещё вернётся к себе, я верю в это, но будет существовать с пересаженным сердцем. Даже остатки её национализма будут другими, как бы контрактными, а не проистекающими из органической жизни. То, как наш русский человек примерно до сорока лет кинулся прочь от России, даже оставаясь в России, говорит, что его возвращение не может быть безболезненным...» Как говорится, болезни попускаются нам свыше, и если мы способны чувствовать боль душевную, значит, мы живы.

Эдуард АНАШКИН,
член Союза писателей России

